

КАРА ДЛЯ ГРОМОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

— АНА ТИХАЯ —

18+

Ана Тихая

Кара для Громова

<https://litres.ru/74437487>

SelfPub; 2026

Аннотация

Одно железное правило: одна ночь, никаких имён, номеров телефонов и обязательств. Мы подписали этот контракт губами на шелковых простынях и должны были разойтись навсегда. Красивая ошибка. Я мечтала о стажировке в легендарной юридической империи «Громов и Партнёры», но реальность быстро щелкнула меня по носу. Вместо сложных кейсов бесконечная варка кофе и высокомерие начальства. Когда в кабинет без стука ворвался наглый, запредельно сексуальный мужчина и по-хозяйски приказал «рыжей» организовать ему двойной эспрессо, моё терпение лопнуло. Я упрямо вскинула подбородок и высказала этому заносчивому VIP-клиенту всё, что думаю о его манерах. И только через тридцать секунд, глядя на бледнеющего от ужаса начальника, я поняла, как крупно попала. Этот наглец — Максим Громов. Великий и ужасный владелец фирмы, абсолютный циник, юридический хищник и мужчина, чьи метки до сих пор горят на моем теле после той самой безумной ночи в клубе.

Правила игры нарушены.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Кара для Громова

Пролог

Красный диплом юридического факультета лежал в моей сумочке, но праздновать триумф почему-то не хотелось. Мой покойный отец, который с самого детства таскал меня с собой на судебные заседания и влюбил в адвокатское дело, точно бы мной гордился. Я знала кодексы наизусть, обладала феноменальной памятью и всегда, абсолютно всегда слушала свою интуицию. Но суровая реальность Сити быстро щелкнула меня по носу: без опыта работы молодая девчонка не была нужна ни одной приличной конторе. Вариантов стажировки не было вообще.

— Ада, завязывай киснуть! Мы четыре года пахали ради этого дня! — девчонки с потока буквально силой затащили меня в самый дорогой и пафосный клуб столицы — «Облака».

Я решила: была не была. Если уж моя карьера катится к чертям, эту ночь я проведу так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые студенческие годы. Я обожаю красиво одеваться, поэтому для вечеринки вытащила из гардероба свое лучшее оружие: неприлично короткое, облегающее изумрудное платье из тяжелого шелка. Мои огненно-рыжие волосы пылали под неоновыми лучами стробоско-

пов дикой, растрепанной копной, а карие глаза лихорадочно блестели от выпитого шампанского.

Я танцевала в толпе, полностью растворяясь в оглушительном бите, пока моя хваленая интуиция, которая никогда меня не подводила, резко не забила в набат. Кожу на шее опалило жаром.

Я обернулась в сторону VIP-логи и едва не забыла, как дышать.

На меня смотрели. Нагло, хищно, не отрываясь. Мужчина, сидевший на кожаном диване в окружении еще двоих респектабельных парней, буквально прожигал во мне дыру.

Когда он поднялся и направился к танцполу, у меня пересохло в горле. Он был невероятно, запредельно сексуален. Высокий, с литыми мышцами, которые угадывались под безупречным темно-серым костюмом, с порочным лицом и легкой щетиной. Он двигался сквозь толпу как хозяин жизни, и толпа послушно расступалась перед ним.

Он остановился непозволительно близко. Я со своим небольшим ростом едва доставала ему до груди. От него пахло крышесносным парфюмом, дорогим виски и чистой, концентрированной опасностью.

— Привет, рыжая, — его голос, низкий, бархатный, с интимной хрипотцой, ударил мне прямо в низ живота. Он бесстыдно окинул взглядом мои открытые плечи и ноги. — Твои волосы горят так ярко, что я побоялся, как бы тут не включилась пожарная тревога.

— А вы, я смотрю, профессиональный спасатель? — я упрямо вскинула подбородок, изо всех сил стараясь скрыть, как бешено колотится сердце. Нападение — лучшая защита, папа всегда так говорил.

Мужчина сыто, опасно усмехнулся. Его большая, горячая ладонь без лишних церемоний легла мне на талию, мгновенно притягивая к своему жесткому, атлетичному телу.

— Хуже, — шепнул он мне прямо в губы, обжигая дыханием. — Я тот, кто этот пожар сейчас раздует. Как насчет того, чтобы переместить наше... заседание в более приватную обстановку? Обещаю, подзащитная останется довольна. Каждым сантиметром процесса.

В моей голове закружился вихрь мыслей. За всю мою жизнь мной ни разу не интересовался настолько красивый, уверенный в себе и порочный мужчина. Я видела по его глазам — он абсолютный скептик, собственник и эгоист, но то, как он держал меня, заставляло коленки подкашиваться.

«Москва огромна. Он явно из этих, элиты из VIP-кабин. Я вижу его первый и последний раз в жизни. Каковы шансы встретить его снова? Ноль», — уговаривал меня внутренний голос. А интуиция просто орала: «Иди за ним!»

— Ладно, спасатель, — выдохнула я, смело посмотрев в его карие, затуманенные желанием глаза. — Посмотрим на твои аргументы в суде.

В VIP-номере отеля на верхнем этаже, прежде чем сорвать с меня остатки одежды, он прижал меня спиной к за-

крытой двери. Его тяжелое дыхание обжигало мою кожу, а в темно-карих глазах горел такой первобытный голод, что у меня перехватило дыхание.

Но вместо того чтобы сразу поцеловать меня, он зафиксировал мои запястья одной рукой над моей головкой и внимательно посмотрел в лицо.

— Давай сразу проясним правила игры, рыжая, — его голос стал еще ниже, вибрируя от сдерживаемой страсти. — Никаких имён. Никаких номеров телефонов и глупых расспросов о жизни. Эта ночь — чистый импульс. Завтра мы проснемся, разойдемся в разные стороны и сделаем вид, что никогда не были знакомы. Мы больше никогда не встретимся. Согласна на такие условия сделки?

Я судорожно сглотнула, чувствуя, как его бедро бесстыдно вжимается между моих ног сквозь тонкий шелк изумрудного платья. Гордость на секунду уколола изнутри, но безумное желание, охватившее всё моё тело, было сильнее.

— Согласна, — выдохнула я ему прямо в губы, упрямо приподнимаясь на цыпочки. — Никаких имён. Всего одна ночь — и мы чужие люди.

— Отлично, — хищно оскалился он. — Контракт подписан.

И в ту же секунду все барьеры рухнули. Этот мужчина не собирался играть в джентльмена. Его губы накрыли мои сокрушительным, голодным поцелуем. Я судорожно всхлипнула, чувствуя, как его язык сплетается с моим, а пальцы с си-

лой сжимают мои бедра. Он легко, словно я была невесомой пушинкой, подхватил меня, заставляя обвить его талию ногами, и перенес на огромную кровать.

То, что произошло дальше, было за гранью реальности. Он брал меня жестко, глубоко, уверенно, заставляя меня выгибаться на шелковых простынях и срываться на прерывистые, громкие стоны. Я отдавалась ему без остатка, кусая его за крепкие плечи, забывая обо всем на свете.

...Под утро я засыпала на его плече, чувствуя, как его сильная рука по-прежнему крепко удерживает меня за талию. Я закрывала глаза с улыбкой, абсолютно уверенная в том, что наша «сделка» закрыта раз и навсегда.

Как же сильно я ошибалась.

Глава 1

Неделю спустя.

— Ада Сергеевна! Ну сколько можно ждать? Где копии документов по делу Самойлова? — над моим ухом раздался противный, дребезжащий голос Бориса Альбертовича, ведущего адвоката гражданского департамента.

— Уже готовы, Борис Альбертович, — я натянула на лицо самую вежливую улыбку, на которую была способна, и протянула ему пухлую папку. — Здесь всё. Оригиналы, три копии, и на всякий случай я сделала выписку из реестра за прошлый год. Номер дела 44-У/2025, слушание назначено на одиннадцать утра в третьем зале.

Адвокат удивленно моргнул, забирая папки.

— Ты что, помнишь номер дела наизусть? Мы же только вчера его открыли.

— У меня феноменальная память, — скромно пожала я плечами.

— Ладно, хорошо. И принеси мне кофе. Две ложки сахара, без молока, — буркнул он и скрылся в своем кабинете.

Я со вздохом опустила на свой рабочий стул в приемной «Громов и Партнёры».

Когда неделю назад мне чудом перезвонили из этой топовой юридической конторы и сказали, что готовы взять меня на стажировку помощником адвоката, я едва не прыгала от

радости до потолка. Это же «Громов и Партнёры»! Самая крутая фирма в Сити. Я думала, что буду засиживаться над интересными кейсами, искать лазейки в законах, помогать на допросах — в общем, делать всё то, чему меня учил отец.

По факту же за эту неделю я превратилась в высокотехнологичного робота по варке кофе, распечатке бумаг и уничтожению документов в шредере. Мой непосредственный начальник, Борис Альбертович, относился ко мне как к пустому месту. К самому главному владельцу фирмы — легендарному Максиму Громову — меня, разумеется, даже близко не подпускали. Его кабинет находился на самом верхнем этаже за бронированными дверями, а обычные помощники видели его только в профиль на обложках бизнес-журналов. Настоящий юридический хищник.

Дождавшись, пока Борис Альбертович изучит копии, я решительно постучала в его дверь и вошла, держа в руках свежую чашку кофе.

— Ваш кофе, Борис Альбертович, — я аккуратно поставила чашку на стол и не ушла, как обычно, а осталась стоять, упрямо скрестив руки на груди.

— Что-то еще, Ада? — не поднимая головы от бумаг, спросил он.

— Да. Борис Альбертович, я работаю здесь уже неделю. Я наизусть помню все статьи Гражданского и Уголовного кодексов, могу по памяти цитировать прецеденты за послед-

ние пять лет. Пожалуйста... дайте мне почитать какое-нибудь настоящее, интересное дело! Хотя какое-нибудь запущенное, сложное производство. Я хочу практиковаться, а не просто переводить бумагу на ксероксе. Пожалуйста.

Адвокат наконец оторвался от бумаг, устало потер переносицу и посмотрел на меня как на назойливую муху:

— Караева, ты всего лишь стажер. Твоя задача — обеспечивать мне тыл и не лезть в дела старших. Какие тебе сложные производства? Иди работай.

В этот момент моя интуиция, дремавшая всю неделю среди офисной скуки, вдруг резко проснулась и бешено заколотила в набат. Кожа на шее покрылась мурашками, а по спине пробежала странная, горячая волна. Сердце ухнуло куда-то вниз еще до того, как за моей спиной открылась дверь.

Дверь в кабинет Бориса Альбертовича без стука распахнулась.

— Борис, у тебя готовы материалы по холдингу Воронцова? Мне нужны они прямо сейчас, — раздался от порога низкий, бархатный голос с легкой хрипотцой.

Этот голос... Я бы узнала его из тысяч. Он снился мне всю неделю.

Я резко обернулась, едва не опрокинув чашку с кофе, и замерла. В проёме стоял он. Тот самый высокий, атлетичный мужчина из ночного клуба «Облака». На нем был безупречный черный костюм-тройка, а верхняя пуговица рубашки была застегнута наглухо, скрывая ту самую шею, которую я

неделю назад искусала в порыве страсти.

Внутри меня всё перевернулось от дикой смеси паники и вспыхнувшего возбуждения. Он работает здесь?! Каковы были шансы?! Судя по его дорогому костюму и наглому тону, это какой-нибудь зажавшийся VIP-клиент или наглый адвокат из соседнего отдела, который считает себя пупом земли.

Мужчина лениво скользнул взглядом по побледневшему Борису Альбертовичу, а затем перевёл свои хищные карие глаза на меня. На секунду в их глубине мелькнуло удивление, которое тут же сменилось опасным, порочным блеском. Его взгляд бесстыдно прошелся по моему строгому закрытому жакету, словно мысленно раздевая меня до того самого изумрудного шелка. На его лице медленно расцвела наглая, самоуверенная ухмылка.

— Оу... — протянул он, вальяжно проходя в кабинет и даже не думая закрывать за собой дверь. — Борис, я смотрю, у тебя тут кадровые обновления? А мне как раз нужен двойной эспresso. Рыжая, организуй быстро. И принеси ко мне наверх вместе с папкой Воронцова.

Моя гордость и характер мгновенно взвились на дыбы. «Рыжая, организуй быстро»?! Мало мне было Бориса с его высокомерием, так теперь еще и этот клубный незнакомец будет щелкать передо мной пальцами и командовать, будто я его личная прислуга? Да, ночь с ним была незабываемой, но на работе я — дипломированный специалист, а не девочка

на побегушках!

Я упрямо вскинула подбородок, сделала шаг вперед и посмотрела прямо в его наглые глаза.

— Мужчина, во-первых, здесь очередь, и я вообще-то разговариваю со своим начальником, — ледяным, звонким голосом отчеканила я, скрестив руки на груди. — Во-вторых, у меня есть имя — Ада Сергеевна. А в-третьих, если вам так сильно приспичило попить кофе, кофейный автомат находится в коридоре налево. Я стажер гражданского департамента, а не официантка. И если вы хотите получить документы, могли бы для начала хотя бы постучать, а не вламываться и раздавать приказы!

В кабинете повисла такая мертвая, звенящая тишина, что было слышно, как на улице сигналият машины.

Ухмылка незнакомца стала еще шире, а в глазах загорелся такой откровенный, собственнический азарт, что у меня по телу пробежали мурашки. Он явно не привык, чтобы с ним разговаривали в таком тоне. Он медленно опустил руки в карманы брюк, слегка наклонил голову набок и тихо, опасно хмыкнул:

— Вот как?... Дерзкая. Мне нравится.

— Караева!!! Ты с ума сошла?! Замолчи немедленно! — вдруг в ужасе вскрикнул Борис Альбертович. Он подскочил со своего кресла с такой скоростью, словно под ним загорелся порох. Его лицо стало мертвенно-бледным, а руки заметно задрожали, когда он начал судорожно собирать бумаги со

стола. — Вы... вы простите её, ради бога! Она первый день здесь, глупая еще, ничего не понимает!

Я удивленно моргнула, переводя взгляд на своего начальника. Почему он так пресмыкается перед этим наглецом?

— Максим Андреевич, вот, возьмите, все документы по Воронцову готовы, лично проверил! — Борис Альбертович буквально подбежал к мужчине, протягивая ему папку и испуганно косясь на меня. — Караева, быстро извинись перед Максимом Андреевичем Грозовым! Это глава нашей коллегии и владелец всей этой фирмы!

В этот момент земля ушла у меня из-под ног.

Воздух в легких мгновенно закончился, а сердце, кажется, просто перестало биться. Я замерла, во все глаза уставившись на стоящего передо мной мужчину.

Громов? Максим Громов?!

Тот самый великий и ужасный юридический хищник, чье имя золотыми буквами горит на фасаде этого здания? Человек, на которого я мечтала работать и чьей гениальностью восхищалась? И именно с ним я неделю назад провела самую порочную ночь в своей жизни, искусала ему плечи, а тридцать секунд назад — умудрилась публично нахамить прямо в его собственном офисе?!

Моя интуиция, которая всегда меня спасала, сейчас тихо забила в углу и покрутила пальцем у виска.

Максим Громов забрал папку из рук дрожащего адвоката, но его взгляд по-прежнему был прикован ко мне. Он сде-

лал один медленный шаг вперед, сокращая расстояние между нами до минимума, наклонился к моему уху и обдал меня горячим дыханием с ароматом дорогого табака:

— Что ж, Ада Сергеевна... Добро пожаловать в мою фирму, — тихо, интимно шепнул он, так, чтобы слышала только я. — Жду тебя в своем кабинете на самом верхнем этаже через пять минут. С папкой Воронцова и моим эспрессо. Будем разбираться, кто из нас нарушил правила игры. И почему ты оказалась здесь.

Глава 2

Когда за ним закрылась дверь, кабинет наполнился тишиной, которая ощущалась как наэлектризованный воздух перед ударом молнии. Борис Альбертович медленно опустился в кресло, вытирая платком выступивший на лбу пот. Он смотрел на меня так, будто я была смертником, вынесшим себе приговор в прямом эфире.

— Ты хоть понимаешь, что ты натворила? — прошептал он, голос его теперь дрожал. — Громов не прощает ошибок, Ада. А публичное хамство для него — это личное оскорбление.

Я ничего не ответила. В голове крутился калейдоскоп: его горячие руки на моей талии, жесткие поцелуи в том номере отеля, его голос, шепчущий про «делку»... А теперь — этот холодный взгляд, в котором не осталось ни грамма того ночного огня. Только расчет.

«Пять минут», — пульсировало в висках.

Я не побежала за кофе, как послушная собака. Сначала я зашла в дамскую комнату. Мои руки дрожали так сильно, что я едва смогла поправить волосы и стереть размазавшуюся помаду. В зеркале отражалась девушка, которая еще неделю назад казалась себе взрослой и готовой к борьбе, а сейчас чувствовала себя маленькой авантюристкой, зашедшей слишком далеко в игру, правила которой она не знала.

«Никаких имён, никакой личной жизни». Мы оба нарушили этот чертов контракт.

Я вышла в коридор, чувствуя, как каждый шаг по зеркально чистому полу приближает меня к краю пропасти. Лифт бесшумно вознес меня на верхний этаж. Здесь всё было иначе: приглушенные тона, запах дорогой кожи, отсутствие лишней суеты. Тишина, от которой звенело в ушах.

Я вошла в его кабинет, чувствуя, как всё внутри клокочет от ярости. Пространство давило безупречным стилем. Макс стоял у окна, даже не обернувшись.

— Ты пришла в мою фирму, зная, кто я, — его голос прозвучал сухо.

— Я не знала! — отрезала я. — Я видела фамилию на табличке, но понятия не имела, что это тот самый «спасатель» из отеля. Если бы я знала, что буду работать на вас, я бы сменила профессию, а не город!

Макс медленно повернулся. Его лицо было маской равнодушия, но в глазах застыл лед.

— Тем хуже. У меня здесь работают лучшие адвокаты страны, и мне не нужны проблемы в виде стажера, с которым я провел одну случайную ночь. Это риск. И это дико раздражает.

Он ударил ладонью по столу.

— Ты думала, я буду играть в джентльмена? Мне не нужны сплетни в офисе и девчонка, которая будет напоминать мне о моем же нарушении условий нашего контракта. Ты

здесь неделю, и уже успела создать мне массу неудобств.

— Вы правда думаете, что я мечтала с вами встретиться? — я вскинула подбородок. — Увольте меня, если я для вас «проблема». Только сомневаюсь, что вы сделаете это сейчас, правда?

Макс усмехнулся:

— Уволить было бы слишком просто. Но я не допущу, чтобы в моем штате была женщина, с которой я связан «тайной». Мы были чужими людьми неделю назад. А сегодня ты — мой стажер. И я найду способ сделать так, чтобы ты сама написала заявление.

Он подошел ближе, отрезая путь к отступлению.

— Я дам тебе дело, с которым не справится даже опытный адвокат. Если ты облажаешься — ты вылетишь отсюда с таким позором, что забудешь дорогу в Сити навсегда.

Он протянул руку и с силой вложил мне в руки толстую папку с документами.

— Это дело.... Либо Справишься — докажешь, что ты здесь не из-за нашей ошибки. А провалишься... что ж, я лично прослежу, чтобы ни одна контора в стране не приняла твое резюме.

Я сжала папку, чувствуя её вес.

— Вы так боитесь, что я задержусь здесь, что решили играть грязно? — я встретила с ним взглядом. — Хорошо. Я принимаю этот вызов. Не ради ваших угроз, а потому что я докажу вам, что я — лучший адвокат в этом здании.

Макс смотрел на меня, и в его глазах промелькнуло холодное уважение.

— Иди, — тихо сказал он. — Посмотрим, насколько хватит твоего запала, «стажер».

Я вышла из кабинета, зная, что это начало самой опасной игры в моей жизни.

За дверью я остановилась, делая глубокий вдох, чтобы унять дрожь в руках. Громов не бросал мне вызов — он просто выставил условия, при которых мое поражение было вопросом времени. Сжав папку, я направилась не к своему столу, а в архив. Если мне нужно доказать свою состоятельность, делать это я буду не на словах, а с документами в руках.

Я провела в архиве всю ночь. Сначала я просто перечитывала материалы дела, которые Громов так любезно швырнул мне на стол. Это был кейс по сложному имущественному спору, тянущемуся больше полугода. Лучшие адвокаты фирмы методично заходили в тупик, не находя лазеек в документации. К четырем утра, когда глаза уже начали слипаться, я наткнулась на нестыковку в реестрах за 2018 год — ошибку в цепочке переуступки прав на землю, которую все почему-то упорно игнорировали.

Когда в восемь утра Макс вошел в офис, я уже ждала его у дверей кабинета. Вид у меня был измотанный, но документы были разложены на краю его стола.

Макс даже не взглянул на бумаги сразу. Он прошел мимо,

сбросил пиджак на спинку стула и только потом, с явным раздражением, посмотрел на меня.

— Ты еще здесь? — его голос был сухим, лишенным всякой заинтересованности. — Надеюсь, ты понимаешь, что затраченное время не делает отчет верным.

— Я проверила данные по реестрам, — я говорила коротко, стараясь не выдавать усталости. — Ваши юристы искали ошибку в договоре, но проблема была в цепочке переуступки прав на землю. Они пропустили дату регистрации в архиве за 2018 год. Если мы подаем ходатайство о пересмотре сейчас, мы закрываем вопрос до конца месяца.

Макс перевел взгляд на документы. В кабинете повисла тишина. Он молча перелистывал страницы, и я видела, как меняется выражение его лица — от привычного скепсиса к сухой сосредоточенности.

— Почему ты решила, что можешь лезть в этот кейс? — он поднял на меня глаза, и в них не было одобрения. — Ты стажер. Твоя задача — кофе и документы для Бориса. Ты нарушила субординацию.

— Моя задача — выполнять работу, — отрезала я. — Ваши юристы потратили на это полгода. Я потратила одну ночь. Если вам не нужен результат, а нужны только «кофе и субординация», то вы наняли не того человека.

Макс встал. Его фигура перекрыла свет от окна.

— Ты дерзкая, — сказал он, и в этом не было комплимента. — И ты создаешь проблемы. Я не люблю, когда люди

в моем штате самовольничают. Но ты права насчет архива 2018 года. Это верное решение.

Он бросил бумаги обратно на стол.

— Завтра ты идешь с Борисом на слушание. Подготовишь выступление, но говорить будешь не ты, а он. Если он не справится — тогда вмешаешься. И если ты хоть где-то ошиблась в расчетах... ты вылетишь из этой фирмы в ту же минуту. Понятно?

— Понятно, — ответила я, понимая, что он не собирается делать из меня героя. Он просто хочет проверить, могу ли я работать эффективно, оставаясь в тени.

— И еще, — он снова сел за стол, давая понять, что разговор окончен. — Забудь про то, что произошло в клубе. Это была случайность. Здесь ты — сотрудник, я — твой работодатель. Если я услышу хоть слово сплетен или увижу намек на панибратство — я уволю тебя без объяснений.

Я развернулась и пошла к двери.

— Я сама об этом забыла в ту же минуту, Максим Андреевич, — бросила я через плечо.

Он промолчал, уже углубившись в бумаги. Я вышла в коридор, чувствуя полное опустошение. Никакого триумфа. Просто тяжелая, изматывающая работа с человеком, который видел во мне лишь инструмент. И это было хуже, чем любой крик.

Глава 3

Максим

Дверь за ней закрылась, и в кабинете стало неестественно тихо. Я так и не сдвинулся с места, глядя на бумаги, которые она оставила на краю стола.

Никогда не терпел, когда в моем штате нарушают границы. Ада Сергеевна их не просто нарушила — она проломила их с грацией человека, которому искренне плевать на иерархию и на то, кто здесь главный.

«Нашла ошибку за одну ночь...» — я раздраженно отбросил ручку.

Мои «акулы» с десятилетним стажем полгода ходили вокруг этого кейса, разводя руками и выставя счета за часы консультаций. А она, вчерашняя студентка, ворвалась в мой кабинет на рассвете, перевернула всё вверх дном и принесла готовое решение. Это не вызывало восторга. Это вызывало глухую, контролируемую ярость.

Я подошел к окну. Утренний город только начинал просыпаться, а я поймал себя на том, что до сих пор чувствую в кабинете её присутствие. Тот же легкий, почти неуловимый аромат, который запомнился еще в ту ночь.

«Дерзкая. Невероятно дерзкая».

Я всегда окружал себя людьми, которые были предсказуемы. А она оказалась стихией. Я дал ей это дело как билет в

один конец — был уверен, что она либо сорвется, либо придет жаловаться на сложность. Я хотел уволить её не потому, что она была плохим специалистом, а потому что она была той самой «ошибкой», которая нарушала мой выверенный ритм. Она была слишком живой для моего стерильного мира.

«Она сказала, что забыла, — подумал я, и внутри кольнуло странное, неприятное чувство. — И ведь действительно забыла. Или мастерски делает вид. В любом случае, это самый верный способ сохранить дистанцию».

Я посмотрел на парковку внизу. Она вышла из здания, на секунду остановилась, устало потерла виски, а потом уверенно села за руль. В этом жесте было столько упрямства, что я невольно хмыкнул.

Я только что сам запустил в свою жизнь проблему, которую будет почти невозможно контролировать. Борис не справится на слушании — я это знал. Это будет её первый настоящий выход на арену. И если она ошибется хоть в слове, я вышвырну её без тени жалости.

«Посмотрим, Ада Сергеевна, — подумал я, возвращаясь к столу и вычеркивая её имя из списка на увольнение. — Посмотрим, насколько хватит твоего запала. Надеюсь, ты стоишь тех неприятностей, которые мне устроишь».

Я открыл папку, но читать было трудно. Мысли постоянно возвращались к тому, как она смотрела на меня — без страха, с вызовом, который я не видел в глазах своих партнеров

уже много лет. Работа предстояла долгая. И почему-то впервые за долгое время я поймал себя на том, что жду продолжения дня не из-за сделок, а из-за того, что она будет рядом.

Это было опасно. И, черт возьми, это было именно то, что мне было нужно.

Я не стал сразу браться за работу. Снова открыл папку — ту самую, которую она принесла. Теперь, когда в ней был четкий ответ, она казалась мне не просто набором документов, а доказательством того, что мой идеальный, выверенный штат — это сборище ленивых посредственностей, которые проглядели очевидное только потому, что им было удобнее не видеть.

Я провел пальцем по листу, на котором она сделала пометку о регистрации 2018 года.

«Интересно. Ты не просто нашла решение, Ада Сергеевна. Ты выставила моих лучших адвокатов дураками».

По идее, я должен был быть в ярости. Но вместо этого я чувствовал странное, почти азартное предвкушение. Я привык к людям-функциям: пришел, выполнил, ушел. А она... она была как неисправный механизм, который работает в десять раз эффективнее, чем все остальные, но постоянно норовит взорваться.

Я посмотрел на часы. Девять утра. Через два часа Борис должен был быть на слушании. Я набрал номер своего помощника.

— Да, Максим Андреевич? — голос в трубке был под-

черкнуто деловым.

— Борис выезжает? — спросил я, глядя в окно на оживающий город.

— Да, через пять минут. С ним стажер, Караева.

— Пусть Караева ведет машину, — отрезал я. — И скажи Борису, чтобы он не смел открывать рот по делу о земле, пока она не даст ему отмашку.

На том конце замялись, но я не стал слушать оправдания. Я повесил трубку и откинулся на спинку кресла.

«Ну же, Ада. Посмотрим, хватит ли у тебя смелости не просто найти ошибку на бумаге, но и защитить её перед судьей, когда твой босс начнет путаться в показаниях».

Я знал, что Борис запаникует. Он привык работать по старым схемам, а этот новый поворот заставит его вспотеть. Ада будет вынуждена либо промолчать и провалиться вместе с ним, либо подставить его перед судьей, чтобы спасти дело.

Я встал и подошел к бару, налил себе черного кофе. В моей жизни давно не было ничего, что заставляло бы меня искренне интересоваться исходом дня. Все сделки, все контракты — всё было предсказуемо. А сегодняшнее слушание... оно обещало быть шоу.

«Если ты справишься, ты моя. Если нет — ты просто еще один стажер, который не прошел отбор».

Я сделал глоток кофе, обжигая язык, и снова сел за стол. Работа никуда не денется, но все мои мысли сейчас были там, в машине, которая везла Бориса в суд. Я поймал себя на том,

что жду звонка. Не отчета, не формальной справки, а момента, когда мне сообщат, что «стажер Караева устроила в зале суда переполох».

Черт возьми, я действительно сошел с ума.

Я снова уткнулся в бумаги, но перед глазами до сих пор стоял её взгляд — холодный, упрямый и абсолютно бесстрашный. Это будет самый длинный день в году. И, кажется, самый интересный.

Глава 4

Ада

Машина плавно влилась в утренний поток, и Борис Альбертович, сидевший на пассажирском сиденье, нервно барабанил пальцами по колену. Он всё еще не отошел от утреннего разноса Громова.

— Ты хоть понимаешь, во что втянула меня? — прошипел он, не глядя на меня. — Громов звонил. Сказал, чтобы я молчал, пока ты не дашь отмашку. Ты понимаешь, что если ты ошиблась, на кону стоит моя карьера?!

Я крепче сжала руль, чувствуя, как внутри нарастает холодное спокойствие.

— Борис Альбертович, если я ошибусь, вылетят оба. Но если мы пойдем по старой схеме, которую вы готовили полгода, судья похоронит нас через десять минут после начала. Выбирайте: рискнуть или проиграть наверняка.

Он замолчал, поджав губы. В зеркале заднего вида я видела, как он то и дело поправляет галстук. Он боялся. Боялся Громова, боялся судьи, боялся самой ответственности.

Я же не боялась. Возможно, потому что мне было нечего терять, кроме амбиций, которые с каждой минутой только разгорались.

Когда мы припарковались у здания суда, небо затянуло серыми тучами, и по асфальту застучали первые капли до-

жды. Я вышла из машины, поправила строгий пиджак и почувствовала, как адреналин начинает пульсировать в висках.

В холле суда было душно и пахло дезинфицирующими средствами. Мы поднялись на нужный этаж. У дверей зала заседания я увидела адвокатов оппонентов — самодовольных, лощеных мужчин, которые уже праздновали победу. Они даже не удостоили нас взглядом, считая, что этот кейс у них в кармане.

— Ты уверена? — тихо спросил Борис, когда мы вошли в зал.

— Вполне, — ответила я, выкладывая на стол свои записи.

Судья вошел в зал через минуту. Процесс начался сухо, как обычно. Оппоненты озвучили свои требования, уверенно ссылаясь на документы, которые мы считали «непробиваемыми». Борис, как и ожидалось, начал запинаться, пытаясь следовать моей инструкции, но при этом явно нервничая.

— Ваша честь, — я поднялась, не дожидаясь знака от Бориса.

В зале повисла тишина. Оппоненты недоуменно переглянулись. Борис испуганно дернул меня за край пиджака, но я даже не обернулась.

— Ваша честь, защита вынуждена ходатайствовать о немедленном приобщении к делу данных из государственного архива за 2018 год, которые радикально меняют статус оспариваемого участка земли. Сделка, на которую ссылают-

ся истцы, основана на документе, не имеющем юридической силы с момента его регистрации.

Судья нахмурился, перелистывая бумаги. Оппоненты вскочили, пытаясь протестовать, но я была готова. Я выложила перед судьей заверенные копии — те самые, за которыми я охотилась всю ночь.

— Это невозможно! — выкрикнул ведущий адвокат другой стороны. — Это... это какая-то ошибка!

— Это не ошибка, — холодно ответила я, глядя ему прямо в глаза. — Это факт. А вот почему ваша команда пропустила этот факт за полгода работы — вопрос, который я адресую уже не суду, а вашим клиентам.

Я видела, как меняется лицо судьи. Он читал документ, и с каждой секундой всё становилось яснее: мы не просто защищались, мы перешли в атаку.

Борис Альбертович рядом со мной затаил дыхание. Я чувствовала на себе взгляды десятков людей в зале, но в голове была только одна мысль: «Громов сейчас где-то там, в своем кабинете, ждет. И он будет впечатлен».

Это была не просто победа в заседании. Это был мой способ сказать ему: «Я здесь, я существую, и я буду играть по своим правилам».

Дождь за окном усилился, барабания по стеклам, но я почти не слышала его. Я знала — этот день только начинается.

Судья отложил документы и поверх очков посмотрел на оппонентов. В зале установилась та тяжелая, вязкая тишина,

которая бывает лишь перед тем, как рухнет карточный домик.

— Господа, — произнес судья, и его голос прозвучал как приговор, — если этот документ подлинный, то вся ваша доказательная база аннулируется. Защита, поясните, почему эти данные не были предоставлены ранее?

Борис Альбертович, до этого момента не сводивший с меня глаз, наконец пришел в себя. Он выпрямился, поправил манжеты и, неожиданно для меня, обрел уверенность, которой ему так не хватало всю дорогу.

— Ваша честь, — вступил он, перехватив инициативу, как и было оговорено, — это следствие досадной халатности при первичном анализе архивов, которая была оперативно устранена моим младшим помощником. Мы просим время на уточнение исковых требований, основываясь на данных фактах.

Я едва сдержала усмешку. «Досадная халатность» — как красиво он обставил провал всей их команды.

Оппоненты были в ярости. Ведущий адвокат что-то лихорадочно строчил в блокноте, а его помощник пытался дозвониться до кого-то в коридоре. Их уверенность испарилась, сменившись суетливой паникой. Для них этот кейс был легкой добычей, а теперь они оказались в положении проигравших.

— Суд объявляет перерыв на тридцать минут для изучения представленных материалов, — стукнул молоток.

Как только дверь за судьей закрылась, Борис Альбертович выдохнул и почти рухнул на стул.

— Ты... ты понимаешь, что ты сейчас сделала? — прошептал он, вытирая платком лоб. — Ты только что поставила их в положение «вне закона». Они не смогут выпутаться без привлечения их руководства.

— Именно этого мы и добивались, — ответила я, собирая бумаги в папку. Мои пальцы слегка дрожали — адреналин начал понемногу отступать, оставляя место для ледяного осознания того, что путь назад отрезан.

Я вышла в коридор, чтобы глотнуть воздуха. Там, у окна, стояли оппоненты. Они что-то бурно обсуждали, и, заметив меня, один из них — тот самый лощеный адвокат — подошел ближе. Его лицо было красным от злости.

— Откуда у тебя эти данные? — прошипел он, подходя почти вплотную. — Эти архивы были опечатаны по распоряжению прокуратуры еще два месяца назад. Кто слил тебе копии?

Я спокойно встретила его взгляд.

— Не стоит путать мою компетенцию с чужими грехами. Я работаю в фирме «Громов и Партнёры», и если вам не хватает навыков, чтобы найти то, что лежит в открытом доступе — это проблема вашего профессионализма, а не моих источников.

Он хотел что-то сказать, возможно, угрозу, но из зала вышел судебный пристав, и ему пришлось отступить.

Я вернулась в зал, чувствуя на себе взгляды коллег Бориса, которые только что вошли, чтобы поддержать нас в финальной стадии. Теперь они смотрели на меня не как на «девочку, приносящую кофе», а с нескрываемым любопытством, смешанным с опаской.

Я села на свое место, поправила пиджак и посмотрела в сторону двери. Телефон в кармане завибрировал. Одно короткое сообщение с неизвестного номера: «Неплохо. Жду в офисе».

Никакой подписи, но я знала, кто это. Макс.

Сердце пропустило удар, но я тут же взяла себя в руки. Победа была лишь промежуточным этапом. Главное испытание ждало меня вечером, когда я переступлю порог его кабинета, уже не стажером, а человеком, который принес ему победу в деле, которое он сам считал провальным.

Я повернулась к Борису.

— Мы готовы продолжать?

Он кивнул, уже совсем другим, решительным взглядом глядя на меня.

— Да. Показывай, что делаем дальше.

Заседание закончилось спустя два часа. Судья удовлетворил наше ходатайство о пересмотре, полностью развернув ход дела в нашу сторону. Оппоненты, еще утром смотревшие на нас свысока, теперь покидали зал, избегая наших взглядов — их репутация была уничтожена одним единственным документом.

Борис Альбертович всю дорогу до офиса молчал. Лишь когда мы въехали на парковку, он обернулся ко мне.

— Ты понимаешь, что теперь за тобой будут охотиться не только конкуренты? — тихо сказал он. — Ты перешла дорогу очень серьезным людям. Громов... он не из тех, кто любит делить лавры с подчиненными.

— Я не претендую на лавры, Борис Альбертович, — я отстегнула ремень безопасности. — Я претендую на свое место в этой фирме. А что касается Громова — он сам дал мне это ружье.

Я вышла из машины и направилась к лифту. В офисе царил странная атмосфера: те, кто раньше даже не замечали моего присутствия, теперь провожали меня взглядами. Слух о «чудесном спасении» дела разлетелся по коридорам быстрее, чем я успела дойти до своего рабочего места.

Я не зашла за кофе. Не проверила почту. Я сразу пошла к кабинету Макса.

Охранник у дверей, который обычно преграждал мне путь, на этот раз лишь молча кивнул и открыл дверь.

Макс стоял у панорамного окна, глядя на город. Его силуэт в дорогом костюме выглядел непоколебимо. Он даже не обернулся, когда я вошла.

— Ты опоздала на пять минут, — его голос был холодным, как лед.

— Я была занята тем, что закрывала дело, которое вы считали безнадежным, — я остановилась в паре шагов от стола.

Он медленно повернулся. В его взгляде не было той ярости, которую я видела утром, но и тепла не прибавилось. Он смотрел на меня так, словно изучал новый, еще не до конца изученный механизм.

— Борис звонил, — сказал он, обходя стол. — Сказал, что ты не дала им даже рта открыть. Ты забрала инициативу, полностью подавив их.

— Я выполнила работу, за которую платят деньги.

— Деньги? — он усмехнулся, остановившись совсем близко. — Ты думаешь, дело было в деньгах?

Он протянул руку и взял со стола папку, которую я принесла ему утром. Теперь в ней лежало решение судьи.

— Ты разрушила их стратегию, Ада Сергеевна. Но в процессе ты создала для меня новую проблему. Теперь все остальные партнеры хотят знать, кто ты такая и откуда у тебя доступы, которые не смогли получить штатные аналитики.

— Пусть спрашивают, — я не отвела взгляд. — Если это проблема, то она возникла из-за того, что ваш «идеальный» штат оказался некомпетентным.

Макс сделал шаг вперед, сокращая дистанцию до опасного минимума. Он был выше, и этот его доминирующий жест всегда заставлял меня быть начеку, но сегодня... сегодня внутри меня не было страха. Только адреналин и осознание собственного права здесь находиться.

— Ты опасна, — негромко сказал он. — Для них. Для меня. И, прежде всего, для самой себя.

Он протянул мне руку, но не для рукопожатия. Он коснулся кончиками пальцев моего подбородка, заставляя смотреть ему прямо в глаза.

— Ну что ж, — его голос понизился до бархатного, но угрожающего шепота. — Ты хотела место в этой фирме? Ты его получила. Но теперь... готовься к тому, что я буду следить за каждым твоим шагом. Никаких ошибок. Никаких «третьих путей». Только результат.

Я почувствовала, как перехватило дыхание, но ответила с той же твердостью:

— Я не ошибаюсь, Максим Андреевич. И вам это очень скоро надоест.

Он медленно убрал руку и вернулся за стол.

— Выйди, — бросил он, уже не глядя на меня. — И попроси Бориса зайти. Нам предстоит много работы.

Я вышла, чувствуя, как внутри разливается холодный триумф. Я знала: это была только первая битва. И теперь я была в игре по-настоящему.

Борис вошел в кабинет через минуту, выглядя так, будто ожидал порки, но, увидев мой взгляд — полный того самого ледяного спокойствия, — заметно выдохнул. Я же, плотно закрыв за ним дверь, не пошла к своему столу. Вместо этого я направилась в кафетерий на первом этаже. Мне нужно было вдохнуть хоть немного воздуха, не пропитанного офисом.

Всю дорогу до кафе я чувствовала, как на меня смотрят. Сотрудники, которые до этого дня видели во мне лишь

функцию, теперь расступались. В этом было странное, пугающее удовольствие.

Я взяла кофе и села у окна, глядя на дождь, который всё не прекращался. Мысли предательски возвращались в кабинет руководителя. Его прикосновение на подбородке, его взгляд, в котором смешались ненависть и жадный азарт.

«Он боится», — пронеслось в голове. Не того, что я проважусь. А того, что я стану той самой переменной, которую он не сможет просчитать.

Мой телефон снова завибрировал. Сообщение от него. Одно слово: «Срочно».

Я допила кофе одним глотком, оставив на столе купюру, и почти бегом вернулась в лифт. Когда я вошла в кабинет, Бориса там уже не было. Он сидел в кресле, изучая какие-то бумаги, но, стоило мне закрыть дверь, он отложил их и поднял глаза.

— Борис утверждает, что это было твоим решением — приобщить архивные документы, — сказал он, не вставая. Его голос был странно глухим. — Он говорит, что если бы ты не настояла, он бы даже не подумал рисковать лицензией.

— Это так, — я прошла к столу и положила руки на его край, наклоняясь вперед. — Борис — хороший исполнитель, но у него нет чутя. Он работает с тем, что ему дают, а я работаю с тем, что скрывают.

Он медленно поднялся. Он был всего в полуметре от меня. В кабинете стало так душно, что я почти физически чув-

ствовала, как наэлектризован воздух между нами.

— Ты хоть понимаешь, какую цепную реакцию ты запустила? — он сделал шаг вперед, вторгаясь в моё пространство. — Теперь все, от партнеров до клиентов, будут требовать, чтобы «эта девочка» занималась их кейсами. Ты стала брендом за один день. И я не уверен, что мне это нравится.

— Вам не нравится, что кто-то в этой фирме перестал быть тенью? — я вызывающе улыбнулась. — Признайте, вам это чертовски нравится. Вы ненавидите меня за это, но именно поэтому вы не уволили меня до сих пор.

Он резко сократил расстояние, нависая надо мной. Его ладонь легла на стол прямо рядом с моей рукой, отрезая путь к отступлению.

— Ненависть — это слишком просто, — его голос стал низким, почти угрожающим шепотом. — Ненависть предполагает безразличие. А к тебе я... чертовски внимателен.

Он наклонился еще ближе, так, что я чувствовала запах его парфюма — дорогого, с нотками кожи и горького табака. Его взгляд прошелся по моему лицу, задерживаясь на губах, а потом снова впился в мои глаза.

— Ты хотела быть в игре? — он почти касался моего лба своим. — Тогда запомни: здесь нет стажеров и боссов. Здесь есть только те, кто держит удар, и те, кто уходит в небытие.

— Я никуда не собираюсь уходить, — прошептала я, чувствуя, как внутри всё переворачивается.

— Хорошо, — он чуть отстранился, но не убрал руку, про-

должая держать меня в своем «плёну». — Тогда докажи это. У нас появилось новое дело. Крупнейший бракоразводный процесс. Супруг хочет оставить жену ни с чем, выведя все активы через фиктивные сделки. Задача — доказать их незаконность и признать её требования обоснованными, не разрушив при этом контракт с клиентом. Если ты вытащишь это — ты получишь всё, о чем мечтаешь. Если нет...

— То?

Он криво усмехнулся, и в этой улыбке не было ничего доброго.

— То я сам лично вышвырну тебя из этого здания так, что ты не найдешь дорогу обратно. Ну что, Ада, готова рискнуть всем ради того, чтобы доказать свою правоту?

Я выпрямилась, разрывая эту опасную близость, и с вызовом посмотрела на него.

— Давайте документы.

Это было безумие. Это была ловушка. Но глядя на то, как он — холодный, расчетливый, — едва заметно сжимает пальцы, я поняла: мы уже не просто играем. Мы начали жечь мосты.

Он молча развернул ко мне толстую папку, обтянутую черной кожей. На обложке не было названия, только цифровой код.

— Читай, — бросил он, возвращаясь в свое кресло и откидываясь на спинку. Его поза была расслабленной, хищной — он уже знал, что внутри, и наблюдал за мной, как за зве-

рем, которого он выпустил на арену.

Я открыла папку. Цифры, отчеты об оценке активов, бесконечные переводы на офшорные счета. Схема была изящной, циничной и абсолютно законной на бумаге. Муж — влиятельный магнат, привыкший к тому, что закон — это лишь пластилин в его руках. Жена — женщина, чьи права он методично стирал из всех реестров последние десять лет.

— Вы хотите, чтобы я нашла лазейку в их брачном контракте и уничтожила её шансы? — спросила я, чувствуя, как внутри сжимается что-то холодное.

— Я хочу, чтобы ты нашла способ признать её требования необоснованными, — он наконец посмотрел на меня, и в его глазах не было ни тени сочувствия. — У тебя есть 48 часов, чтобы найти «прореху» в её доказательной базе. Клиент платит нам за результат, а не за сочувствие к женщине, которая решила, что может претендовать на плоды его многолетнего труда.

Я подняла глаза от бумаги. Клиент был известен в городе своей жестокостью — не только в бизнесе, но и в семье.

— Это не просто «дележка», это унижение, — тихо сказала я.

Он подошел ближе. Его лицо было непроницаемым, как застывший гранит.

— Мы не судьи. Мы — адвокаты. Наша работа — делать то, что выгодно клиенту. Если ты начнешь примерять каждую ситуацию на себя, ты не продержишься здесь и недели.

— А если я найду способ, при котором она не останется на улице? — я сделала шаг к нему, бросая вызов. — Если я докажу, что эти «фиктивные сделки» были совершены с нарушением её прав?

Он усмехнулся. В этой улыбке не было тепла, только холодный азарт хищника.

— Если ты это сделаешь, клиент взорвется. Он разорвет контракт с фирмой, а я... я буду вынужден уволить тебя за профессиональную непригодность. Но, — он замолчал, сокращая расстояние до минимума, — если ты сможешь сделать это так, чтобы он сам согласился на мировое соглашение, не понимая, что это ты его к этому подтолкнула... ты станешь легендой.

— Значит, мне нужно переиграть не только ту сторону, но и самого клиента? — я почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Именно. И у тебя на это двое суток. В противном случае, в четверг утром я подписываю твоё заявление об уходе.

Я захлопнула папку. Внутри всё клокотало. Это был идеальный вызов для моей ярости. Он бросил его мне, надеясь, что я либо сломаюсь, либо стану его самым эффективным оружием.

— 48 часов, — сказала я, разворачиваясь к выходу. — К четвергу он сам принесет ей ключи от дома и попросит прощения.

— Смелое заявление, — донеслось мне в спину.

Я остановилась в дверях, не оборачиваясь.

— Я не делаю заявлений. Я исправляю ошибки. А ваш клиент — это самая большая ошибка, которую я когда-либо видела.

Я вышла, чувствуя, как этот вызов пульсирует у меня в висках. Теперь это не просто работа. Это была моя возможность доказать, что даже самый «всесильный» магнат может проиграть, если против него играет кто-то, кто не боится смотреть ему прямо в глаза. Я знала: мы начали жечь мосты, и пути назад больше нет.

Я дошла до своего рабочего стола, швырнула черную папку на полированную поверхность и с размаху села в кресло. В полупустом офисе уже погасили основной свет, оставив лишь дежурное освещение. Тихо гулял кондиционер, за панорамным окном всё так же монотонно выл ветер, размазывая капли дождя по стеклу.

«Ну что, Ада, добро пожаловать на передовую, — мысленно сказала я сама себе, уставясь на безликую обложку. — Сорок восемь часов. На кону твоя карьера, твоё будущее и твоё дурацкое, чисто русское упрямство, которое опять притащило тебя в чужую драку».

Я открыла папку. Страница за страницей. Сухие цифры, графики вывода капитала, фиктивные банкротства дочерних предприятий холдинга. Этот человек — назовем его «клиент», раз уж его имя внушало трепет всей округе — методично, шаг за шагом, лишал свою жену всего. Он вырезал

её из своей финансовой жизни, как опухоль, не оставляя ей даже права на воспоминания.

«Какой же ты ублюдок, — зло подумала я, перелистывая очередной аудит. — Ты думаешь, что если купил лучших юристов города и самого Громова, то закон встанет перед тобой на колени? Ты думаешь, что если женщина отдала тебе десять лет жизни, терпела твои закидоны и синяки под тоналкой, то её можно выбросить на улицу с чемоданом вещей? Не на ту попал».

Моё дурацкое, никогда не подводившее меня чутьё сейчас буквально выло. Внутри всё горело от ярости, но разум оставался кристально прозрачным. Я знала: где-то здесь есть ошибка. Люди, ослепленные собственной безнаказанностью и властью, всегда совершают одну и ту же ошибку — они считают себя умнее всех. Они становятся предсказуемыми.

Я закопалась в отчеты пятилетней давности. Час, два, три... Глаза резало от мелкого шрифта, кофе в стакане превратился в ледяную бурду, но я не могла остановиться. Я велла пальцем по цепочке транзакций офшора на Британских Виргинских островах. Клиент утверждал, что его главный производственный актив был куплен на личные средства еще до брака. На бумаге всё сходилось. Идеально. Слишком идеально.

«Подожди... — я замерла, вглядываясь в дату регистрации дочерней фирмы-прокладки. — Дата стоит мартовская. До свадьбы. Но регистрационный номер... номерной знак

этой серии в Сейшельском реестре начали выдавать только в сентябре. Спустя полгода после их свадьбы. Он задвоил документы. Он переписал историю».

Сердце пропустило удар, а затем заколотилось как сумасшедшее. Это был не просто подлог. Это была бомба, которая аннулировала всю его защиту. Если его жена узнает об этом, она отсудит не половину холдинга — она разденет его дотла.

— Нашла что-то, от чего у тебя так горят глаза? — раздался тихий, бархатный голос из темноты.

Я вздрогнула и резко подняла голову. Макс стоял у края моего стола. Без пиджака, рукава дорогой белой рубашки были небрежно закатаны до локтей, верхние пуговицы растегнуты. Он выглядел уставшим, но в его темных глазах горел всё тот же опасный, хищный интерес.

Я медленно закрыла ноутбук, не сводя с него глаз. Дерзость, подпитанная находкой, ударила в голову, как чистый спирт.

— А вы почему не спите, Максим Андреевич? — я откинулась на спинку кресла, скрестив руки на груди. — Пришли проверить, не сбежала ли я с вашими секретами?

Он подошел ближе, обошел стол и остановился прямо за моей спиной. Наклонился так низко, что я почувствовала кожей его горячее дыхание и этот убойный запах кожи и дорогого табака. Его ладони легли на подлокотники моего кресла, фактически заперев меня в ловушке.

— Я пришел посмотреть, как ты ломаешь зубы об это дело, — прошептал он мне прямо на ухо. От его близости по телу прошла волна крупной дрожи, но я заставила себя остаться недвижимой. — Но судя по твоему лицу... ты нашла то, чего не должен был находить никто.

— Ваш клиент — лжец и вор, — я резко развернула кресло, вынуждая его отстраниться на шаг, и встала, оказавшись с ним лицом к лицу. Разница в росте заставляла меня смотреть на него снизу вверх, но ментально я не уступала ему ни сантиметра. — Он сфальсифицировал даты регистрации активов. Вся его империя подлежит разделу. Жена имеет право на половину.

Макс выпрямился, его лицо мгновенно стало ледяным, а челюсти сжались так, что заходили желваки.

— Ты понимаешь, что ты сейчас сказала? — его голос упал до опасного минимума. — Если эта информация выйдет за пределы этого кабинета, нашей фирме конец. Клиент уничтожит нас. Я нанял тебя защищать его интересы, Ада!

— Нет, — я шагнула к нему вплотную, ткнув пальцем в его твердую грудь. — Вы наняли меня, потому что вам нужен был результат. И потому что вам тошно от собственной стерильности и от того, как вы прикрываете задницы зажавшимся ублюдкам! Вы ненавидите себя за это дело, Макс. Признайте это.

Он перехватил мою руку у самой своей груди. Его пальцы сжались на моем wrist железной хваткой. Это было на гра-

ни боли, но внутри меня всё пело от безумного адреналина. Между нами летали такие искры, что, казалось, воздух вокруг мог вспыхнуть.

— Не называй меня по имени, — выдохнул он, притягивая меня к себе еще ближе, так что между нашими губами оставалось всего несколько сантиметров. Его глаза потемнели до черноты, в них плескалась ярость, смешанная с чем-то пугающе голодным. — И не смей думать, что ты знаешь, о чем я думаю. Ты — всего лишь стажерка, которая возомнила себя Жанной д'Арк.

— Тогда увольте меня, — прошептала я, чувствуя, как внутри всё плавится от его близости, но упрямо продолжая гнуть свою линию. — Прямо сейчас. Вышвырните. Чего вы ждете? Бойтесь, что без моего хаоса вы снова превратитесь в робота?

Мы стояли в полумраке, тяжело дыша, глядя друг другу в глаза. Это была чистая, концентрированная ненависть — к его контролю, к моей непокорности, — которая прямо на глазах мутировалась в какое-то дикое, болезненное притяжение. Ни один из нас не хотел уступать.

Макс медленно, дюйм за дюймом, отпустил мою руку. Его пальцы скользнули выше, задержавшись на секунду на моем пульсе, который колотился как сумасшедший, а затем он отступил.

— У тебя есть время до завтрашнего вечера, — бросил он, набрасывая на себя привычную маску ледяного безраз-

личия. — Принеси мне план мирового соглашения, по которому клиент сам захочет отдать ей половину, чтобы скрыть этот подлог. Если он догадается, что это твоих рук дело... я лично сотру тебя в порошок.

Он развернулся и пошел к выходу из офиса, бросив напоследок через плечо:

— И иди спать. Мне не нужен на процессе зомби с красными глазами.

Я осталась стоять у стола, глядя ему в спину. Рука в том месте, где он её держал, всё еще горела огнем.

«Стереть меня в порошок? — мысленно усмехнулась я, прижимая ладонь к груди, чтобы успокоить бешеное сердце. — Попробуй, Громов. Ты еще не понял, что мы оба уже летим в эту пропасть. И самое смешное — тебе это нравится так же сильно, как и мне».

Глава 5

Домой я, разумеется, не поехала. Смысла тратить два часа на дорогу по утренним пробкам Питера не было никакого. Вместо этого я выпросила у сонного охранника чистый плед, поспала ровно сорок минут на жестком кожаном диване в архиве, а в семь утра уже привела себя в порядок в огромном зеркале служебного санузла.

В восемь ноль-ноль я сидела в кабинете Макса. Но не на стуле для посетителей, а прямо в его огромном, неприлично дорогом ортопедическом кресле руководителя.

«Если играть в высшей лиге, Ада, то нужно привыкать к правильному ракурсу», — подумала я, лениво прокручиваясь в кресле и потягивая отвратительный растворимый кофе из картонного стаканчика. Прямо на безупречную, отполированную до блеска столешницу из мореного дуба я водрузила свои потертые кроссовки, а рядом положила ту самую черную папку.

Ровно в восемь-пятнадцать дверь кабинета распахнулась. Макс зашел стремительно, на ходу просматривая что-то в телефоне. Идеально отутюженный темно-серый костюм, безупречная укладка волосок к волоску, аромат дорогого одеколona, который тут же выветрил из комнаты запах моего кофе. Он поднял голову, планируя дойти до стола, и... замер. Его взгляд медленно опустился на мои кроссовки, лежа-

щие на его столе, затем переместился на картонный стаканчик, под которым уже расплывалось мокрое круглое пятно, и, наконец, впился в мое лицо. Надо было видеть его глаза. В них пронеслась целая буря: от искреннего шока до глухой, закипающей ярости. На правой щеке едва заметно дернулся мускул.

— Ты что здесь делаешь? — его голос прозвучал так тихо и опасно, что у любого другого сотрудника подкосились бы колени.

— Жду вас, Громов, — я лучезарно улыбнулась, даже не подумав убрать ноги со стола. — Вы же сами сказали принести план до вечера. А я не люблю откладывать на вечер то, что можно сделать утром.

Он сделал три медленных шага к столу, и я физически ощутила, как воздух в кабинете потяжелел. Он не кричал. Макс вообще никогда не опускался до крика, что бесило меня еще сильнее. Он просто давил своей гранитной аурой.

— Сними. Свои. Ноги. С моего. Стола, — раздельно, с леденящей душу вежливостью произнес он, нависая над столешницей.

— А то что? — я чуть подалась вперед, лукаво прищурившись. — Уволите за порчу имущества? Или за нарушение субординации? Мы же вчера договорились: в этой игре больше нет боссов и стажеров. Только те, кто держит удар.

Он молча, резким движением перехватил мои щиколотки и буквально сдернул мои ноги со стола. Я едва успела пере-

хватить стаканчик с кофе, чтобы не облиться. Кресло крутанулось, и я оказалась лицом к лицу с ним — он уперся ладонями в подлокотники, заставив меня вжаться в кожаную спинку.

— Твоя дерзость начинает утомлять, Ада, — выдохнул он, и я увидела, как потемнели его зрачки. Он был взбешен моим нахальством, моим видом, тем, что я посмела нарушить его идеальный, стерильный порядок. — Ты думаешь, если ты нашла одну ошибку в документах, то поймала бога за бороду? Ты ведешь себя как невоспитанный подросток.

— Я веду себя так, как считаю нужным, — я не отвела взгляд, хотя его близость снова заставила сердце пропустить удар. Я нарочно перевела взгляд на его безупречно завязанный галстук, а затем снова посмотрела в глаза. — И я не подросток. Подростки не находят двойную бухгалтерию за четыре часа. Вы беситесь, потому что я не играю по вашим правилам, Макс. Вам хочется, чтобы я дрожала перед вами, как Борис. Но этого не будет.

Он сжал пальцы на подлокотниках так, что затрещала кожа.

— План, — процедил он сквозь зубы, игнорируя мою провокацию с именем, хотя я видела, как жестко пересеклись его брови на переносице. — Покажи мне план, ради которого ты превратила мой кабинет в привокзальное кафе.

Я соскользнула с кресла, наконец освобождая его законное место, и обошла стол. Теперь мы поменялись ролями.

Он сел, тут же брезгливо отодвинув мой картонный стаканчик в сторону и вытерев след от него дорогой шелковой салфеткой.

— План простой и абсолютно приземленный, — я открыла папку на нужной странице. — Никаких судов и громких заявлений. Сегодня в два часа у нас предварительная встреча с клиентом и адвокатами его жены. Так?

— Так, — Макс пробежался глазами по моим записям на полях.

— Мы не будем вываливать на него фальшивые Сейшельские документы. Если мы это сделаем, он закроется, наймет других юристов и уничтожит её в информационном поле. Мы поступим тоньше. В середине встречи, когда он начнет диктовать свои условия, я как бы «случайно» перепутаю бумаги и передам адвокату жены старую налоговую декларацию его первой дочерней фирмы. Ту самую, где стоит неправильный регистрационный номер.

Макс резко поднял голову. Логика процесса была его стихией, и сейчас его аналитический ум мгновенно просчитал комбинацию.

— Он увидит это, — медленно произнес Макс. — Поймет, что мы знаем.

— Именно. Он поймет, что его собственная адвокатская контора держит его за горло. Ему придется пойти на попятную и предложить идеальные условия мирового соглашения прямо там, за столом. Чтобы эта бумага никогда не всплыла

в суде. Жена получит свои деньги, фирма сохранит гонорар, а клиент останется уверен, что это был просто «недосмотр глупой стажерки».

В кабинете повисла тишина. Макс смотрел на схему, потом на меня. В его взгляде боролись профессиональное восхищение моей чисто психологической уловкой и глухое раздражение от того, как развязно я этой уловки добилась.

— Это шантаж на грани фола, — сказал он, откидываясь на спину. — Если он сорвется и поймет, что это блеф, он раздавит тебя.

— Не сорвется, — я подошла к двери, чувствуя себя абсолютной хозяйкой положения. — У таких мужчин слишком много гордости и слишком мало смелости, когда дело касается их кошелька. Так что готовьте свой лучший костюм, Громов. В два часа мы идем ломать вашего любимого клиента.

Я взяла свой остывший кофе, подмигнула ему и вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь.

«Он злится, — удовлетворенно подумала я, шагая по коридору к своему скромному рабочему месту. — Он безумно, дико злится на то, что я заставляю его выходить из зоны комфорта. Но самое главное — он не сказал "нет". Наше противостояние только начинается, Громов, и поверь, я заставлю твой идеальный мир трещать по швам каждый божий день».

Время до двух часов дня пролетело как один безумный миг. Я перепроверила всё трижды. В заветную папку, предназначенную для адвокатов Елены, между скучными отчет-

тами о доходности затесался тот самый лист. Сейшельский капкан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.